

ЛИНГВИСТИКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

Т.В. Устинова

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; utanja@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема смыслового восприятия поэтического текста, смыслообразующим приемом в котором является оживление внутренней формы слова. Цель исследования состоит в описании средств речевой реализации данного приема с опорой на методологический аппарат лингвистики креатива и когнитивной лингвистики. Особое внимание уделяется выявлению факторов вербальной и концептуальной креативности, которые определяют возможности преобразования стереотипов порождения и восприятия единиц языка в речи. В работе уточняется содержание понятий внутренней формы языка и внутренней формы слова; сделан акцент на необходимости изучения данных явлений с позиции анализа ассоциативно-апперцепционного характера человеческого мышления. Показано, что прием оживления внутренней формы имеет сложную реализацию в поэзии с точки зрения выполнения ряда взаимосвязанных функций поэтического языка — когнитивной, экспрессивной, поэтической и метаязыковой. На материале эссе из поэтико-прозаического сборника «Фосфор» русского поэта Аркадия Драгомощенко и поэмы-трактата американского поэта Чарльза Бернстина «Изошренность поглощения» выявляются лингвокреативные намерения элитарной языковой личности по обнаружению, выдвижению, деформации и развитию внутренней формы слова. В результате проведенного исследования обобщаются изоморфные для данных поэтов приемы оживления внутренней формы слова, среди которых поэтическая этимологизация слова путем его окказионального толкования, паронимическая аттракция, реноминация и приписывание слову окказиональной мотивированности значения. Когнитивная универсальность лингвокреативных приемов оживления внутренней формы слова в двух языках описывается с точки зрения общефункциональных механизмов переключения и развития вербальных ассоциаций, обеспечивающих вконструирование неконвенционального значения языковой единицы в ситуации интерпретирования.

Устинова Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; utanja@mail.ru.

Ключевые слова: неконвенциональное словообразование; содержательность формы в поэзии; акт номинации; семантический сдвиг; морфодеривационный стереотип

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-5

Для цитирования: Устинова Т.В. Внутренняя форма слова и словообразование в поэтической речи (на материале русского и английского языков) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 74–86.

Понятия внутренней формы языка и внутренней формы слова сегодня активно используются в междисциплинарных исследованиях способов представления внеязыкового содержания в единицах языка и речи. Несмотря на частотное употребление данных понятий в научной литературе, они являются неоднозначно определяемыми. Как указывает В.А. Пищальникова, имеющиеся дефиниции «остаются философски обобщенными и мало привязанными к анализу конкретных языковых фактов» [Пищальникова, 2015а: 47].

Опираясь на предложенные В.А. Пищальниковой и А.А. Зализняк подходы к операционализации в лингвистике понятий «внутренняя форма языка» и «внутренняя форма слова», сделаем ряд терминологических уточнений:

1. Данные термины не следует смешивать и подвергать синонимизации. По В.А. Пищальниковой, внутренняя форма языка — это «единообразные способы установления корреляции между артикулированным (соотнесенным со смыслом) звуком и выражением мысли» [Пищальникова, 2015b: 50–51]. В разных языках эта форма уникальна и отличается национальным своеобразием, к ее созданию приводит мыслительная деятельность членов языкового коллектива, направленная на познание явлений и предметов, выявление их существенных признаков, соотнесение их с понятиями, установление отношений между понятиями, синтезирование понятий с языковой формой [Пищальникова, 2015b: 50]. Таким образом, внутренняя форма языка — это совокупность способов организации структуры значения слова; это то, каким образом «признак, изначально ставший конституирующим при образовании значения, представлен в слове» [Пищальникова, 2015b: 52].

2. Слово выступает как «овнешнитель» внутренней формы языка. В каждом отдельном слове содержится «образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения, заключенного в данном слове концепта» [Зализняк, 2005: 87]. Внутренняя форма слова, таким образом, представляет

собой «“след” того процесса, при помощи которого языком было создано данное слово» [Зализняк, 2005: 88]. Вслед за А.А. Потебней, в слове принято различать: (а) внешнюю форму (например, звуковую); (б) содержание, объективируемое посредством внешней формы; (в) внутреннюю форму, т.е. способ, которым выражается содержание [Потебня, 1989]. Наличие у данного слова внутренней формы означает наличие у него определенного типа деривационно-ассоциативных смысловых отношений [Зализняк, 2005: 88].

3. Вопрос о структуре внутренней формы слова остается открытым. Трактовка зависит от того, в какую теоретико-методологическую рамку вписано употребление данного термина: «Этимологи приравнивают его содержание к содержанию этимона; дериватологи рассматривают внутреннюю форму слова как соотношение между производным и производящими словами, ономазиологи — как номинационный признак» и др. [Пищальникова, 2015а: 48]. С такой точки зрения следует выделять «частные случаи внутренней формы слова — этимологическую, словосочетательную и звуко-символическую» [Пищальникова, 2015b: 52].

4. В узком смысле термина под внутренней формой слова понимается «осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова» [Зализняк, 2005: 87]. С такой точки зрения Анна А. Зализняк выделяет внутренние формы двух типов: (а) словообразовательного типа — *домик, паровоз*; (б) эпитетического типа (в аспекте переносов значений внутри семантической структуры слова) — *нос (человека, корабля), стакан (предмет и мера объема)* [Зализняк, 2005: 89]. Часто внутренняя форма слова относится к смешанному типу и не осознается носителями языка. Внутренние формы разных слов различаются по степени полноты и/или прозрачности.

Введение понятия внутренней формы слова в отечественное языковедение связывают с именем А.А. Потебни [Потебня, 1989]. Эволюция взглядов А.А. Потебни на внутреннюю форму слова подробно описана в научной литературе [Беляевская, 2004; Пильщиков, 2014; Пищальникова, 2015а; Пищальникова, 2015b]. Е.Г. Беляевская анализирует сходство идей А.А. Потебни, относящихся к его учению о слове, с современными концепциями когнитивной лингвистики и подчеркивает, что в основе анализа процесса формирования значения слова у А.А. Потебни лежит реконструкция ментальных операций, обусловивших акт номинации [Беляевская, 2004]. Если понимать внутреннюю форму слова как комплекс признаков, положенных в основу номинации, то именно она способна указать,

почему у слова сложился данный набор значений, с учетом той сложной познавательной структуры («комплекса мыслей»), которая была зафиксирована в данной звуковой оболочке (внешней форме слова).

Таким образом, сегодня исследователи предлагают рассматривать внутреннюю форму слова с учетом достижений когнитивно-ориентированных лингвистических дисциплин (когнитивной лингвистики и психолингвистики), изучающих ассоциативно-апперцепционный характер мышления человека. Внутренняя форма слова «имеет под собой вполне определенную психолингвистическую реальность» [Зализняк, 2005: 93], и в этой связи интерес представляют случаи, когда говорящие проявляют особые коммуникативные интенции относительно осознания («обнаружения»), намеренного выдвижения или деформации внутренней формы слова.

Термин «оживление внутренней формы слова» является традиционным для обозначения такой речевой ситуации, в которой адресант намеренно привлекает внимание к несознаваемым адресатом (тривиальным, утраченным, стершимся) способам фиксации значения слова [Пугач, 1978; Зализняк, 2005]. В фокус внимания адресата могут вводиться этимологические, словообразовательные, звуко-символические или коллокационные аспекты внутренней формы. В обыденной речи такой прием может служить способом выражения наивных рефлексивных рассуждений носителей языка о его устройстве или быть средством достижения определенного прагматического эффекта (комического, манипулятивного и др.).

В поэтической речи прием оживления внутренней формы слова важен с точки зрения реализации сложной совокупности когнитивной, экспрессивной и поэтической функций. Поэтическая речь содержит богатый набор образцов, свидетельствующих о стремлении элитарной языковой личности не просто подвергнуть выдвижению внутреннюю форму слова, реконструируя отношения его мотивированности и привлекая внимание к сложным отношениям внутри системы познавательных признаков, объединивших представление о предмете в «цельнооформленное единство», выраженное этим словом. В поэтической речи оживление внутренней формы слова имеет сложную конфигурацию: зачастую поэт подвергает внутреннюю форму своеобразному остранению, вводя ее в сложно оформленный поэтический контекст и добиваясь цепочки семантических сдвигов, ведущих к ассоциативному преобразованию внутренней формы.

В задачи нашего исследования входит описание приемов оживления внутренней формы слова в поэтической речи и выявление

факторов вербальной и концептуальной креативности, которые позволяют элитарной языковой личности реализовывать потенциал языка в области конструирования и варьирования форм и значений. Материалом исследования стали эссе Аркадия Драгомощенко (1946–2012 гг.) из сборника «Фосфор»¹ и эссе Чарльза Бернстина (род. 1950 г.) «Изошренность поглощения» из сборника «Поэтика»², которые можно отнести к поэтическим метатекстам данных авторов. Анализируемые эссе — это «стихи в прозе», в которых поэты представляют собственную философию языка, описывают роль письма и чтения в конструировании субъективной реальности человека, исследуют природу и общественную роль поэзии.

Для творчества обоих авторов характерны лингвоцентризм, установка на «переизобретение» языка и вовлечение его в действие путем «катастрофического “столкновения” единиц смысла». Поэты были лично знакомы. Чарльза Бернстина считают одним из основателей «Языковой Школы» (*L=A=N=G=U=A=G=E School of Poetry*) — течения в американской поэзии второй половины двадцатого века, чьи представители находились в авангарде постмодернистской «критики языка» и стремились к радикальному ostranению языковых способов выражения смысла. А. Драгомощенко часто называют русским «языковым поэтом». Однако глубокие исследователи его творчества считают, что этот поэт — самобытное явление в русской литературе: «Сделанное Драгомощенко в русском языке уникально. С конца 1960-х, практически в одиночку, он продолжает космополитическую модернистскую линию, восходящую к античному стиху и связанную в новейшее время с именами Гёльдерлина, Рильке (“Дуинские элегии”), Паунда (“Кантос”))» [Скидан, 2013: 125].

Аркадию Драгомощенко присущ узнаваемый индивидуальный стиль в оживлении внутренней формы слова. Во-первых, поэт деконструирует внешнюю форму слова и маркирует это графически (с помощью дефисов, многоточий и/или скобок). Внутренняя деконструкция слова осуществляется разнообразными способами в зависимости от того, какие именно аспекты внутренней формы (деривационные, этимологические, фонетические, семантические, словосочетательные) находятся в фокусе внимания поэта. Один из самых частотных приемов деконструкции слова у А. Драгомощенко — разнообразные воздействия на морфемный состав слова (в основном через аномальную морфемную сегментацию и окказиональную гиперсемантизацию аффиксов). Чарльз Бернстин, имея в своем

¹ Драгомощенко А. Фосфор: проза, статьи, эссе, стихи. СПб., 1994.

² Bernstein Ch. A Poetics. Harvard, 1992.

распоряжении язык другого морфологического строя с другой внутренней формой языка, в большей степени полагается на выдвигание лексической многозначности. В фокусе внимания этого поэта — внутренняя форма эпигматического типа и рассмотрение многообразных связей внутри семантической структуры английского слова.

Таким образом, различия в конкретных техниках реализации приема оживления внутренней формы зависят от типологических особенностей системы языка и идиостилевых предпочтений авторов. Однако общий операциональный принцип описываемого приема является универсальным с когнитивной точки зрения: в основе лингвокреативных преобразований языковых форм и значений лежит способность человека к оперированию гибкими сетями вербальных ассоциаций и ассоциативному переключению стереотипов употребления языковых единиц [Гридина, 1996]. Сравнительно-сопоставительный анализ материала позволил выявить частотные способы оживления внутренней формы, которые являются изоморфными для поэтической речи обоих авторов. К таким способам мы относим:

1) разнообразные фоносемантические сближения и противопоставления слов (чаще всего посредством окказиональной паронимической аттракции);

2) поэтическую этимологизацию слова путем формулирования его индивидуально-авторского толкования;

3) приписывание слову новой мотивированности значения (а) без изменения внешней формы слова или (б) с изменением внешней формы и образованием нового окказионального слова (чаще всего путем контаминации).

А. Драгомощенко и Ч. Бернстин используют сходную тактику смыслового развития внутренней формы, помещая актуализируемое слово или его отдельные элементы (если имела место деконструкция) в поддерживающий, погашающий или интенсифицирующий тип контекста³. Оживление внутренней формы в проанализированных текстах всегда выполняет метаязыковую функцию: поэт объективирует результаты своей метаязыковой рефлексии, что позволяет читателю приобщиться к индивидуальному языковому знанию элитарной языковой личности.

Рассмотрим перечисленные выше способы оживления внутренней формы слова подробнее. Мы исходим из доказанного в когни-

³ Здесь мы опираемся на определение типов контекста в зависимости от функций, данное И.Г. Торсуевой в словаре: Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е репринт. изд. М., 1998. С. 238–239.

тивных исследованиях положения о том, что «языковая реальность оказывает существенное влияние на интерпретативные свойства концептуальных структур» [Вишнякова, 2018: 24], и проводим анализ лингвокреативных преобразований поэтического слова, обращая внимание на то, какими речевыми средствами отправители поэтического сообщения обеспечивают читателю доступ к сети неочевидных вербальных ассоциаций и заставляют переосмыслить признаки, составляющие внутреннюю форму слова.

И русский язык, и английский предоставляют поэтам возможность использовать широкий спектр окказиональных фоносемантических сближений (паронимическую аттракцию, омофонически/омонимические сопоставления и противопоставления) для актуализации внутренней формы слова. Г.Г. Молчанова показала, что паронимическую аттракцию следует рассматривать с позиции неоднозначности деривационных отношений элементов плана содержания, порождающих поливалентность текста [Молчанова, 2022: 11]. С такой точки зрения паронимическая аттракция и омонимическое сближение слов в контексте позволяют автору вызвать у читателя нетривиальные фоносемантические ассоциации, привлекающие внимание к сложности представлений поэта об описываемом предмете.

Например, в эссе «Конспект/Контекст» А. Драгомощенко последовательно сопоставляет и противопоставляет слова *(не) совершиться, совершенный, несовершенство* и дополняет этот ряд окказионализмом *несвершаемость*: «*Но язык не может быть присвоен по той причине, что он есть несвершающееся бытие или Бытие. Совершенное действие не оставляет следов... Поэзия — несовершенство per se. Несвершаемость как таковая*»⁴. В данном контексте поэт создает условия для совместного участия сближаемых лексем в выражении характеристик поэзии, которая описывается как творящая энергия в постоянном становлении. Правосторонний контекст существительного *несовершенство* полностью дефокусирует его значение ‘неполнота достоинств’, а соотнесение с паронимами позволяет читателю вывести актуальный смысл данного существительного путем переосмысления признаков ‘незаконченность действия’, ‘нахождение в развитии’ и ‘побудительная причина’.

Чарльз Бернстин использует паронимическую аттракцию как прием оживления внутренней формы, чтобы намеренно «сгустить» многозначность слова и создать своеобразный стереоскопический эффект, когда несколько конвенциональных значений полисеманта

⁴ Драгомощенко А. Конспект / контекст // Драгомощенко А. Фосфор: проза, статьи, эссе, стихи. СПб., 1994. С. 9–13.

одновременно реализуются в контексте и дополняются окказиональными коннотациями. Например, в следующем отрывке поэт анализирует стихотворение Лин Хеджинян «Стражник» (“The Guard”): “*The Guard*” guards against the domination of the reader; the line is a guardrail, an interruption, disturbing sleep by requiring interpretation but in order to safeguard — “secure” — sleep⁵. Помимо изощренной корневой игры (*guard* — *guardrail* — *safeguard*) в данном контексте происходит сближение лексем *interruption* и *interpretation*. Поэт размышляет о роли структурной организации стиха и представляет технику «пунктирного синтаксиса», использованную поэтессой как средство деавтоматизации внимания читателя. Поэт считает, что читателя требуется выводить из сонного наслаждения формой речи, заставляя его прикладывать усилия для извлечения сложного смысла. Соответственно, существительное *interpretation* на фоне *interruption* в данном контексте получает смысловое развитие не только как ‘construing the meaning in a particular way’, но и получает окказиональные коннотации, представляющие извлечение смысла как прерывистую нелинейную деятельность, требующую усилий и настойчивости.

Аркадий Драгомощенко и Чарльз Бернстин используют разнообразные виды контраста при работе со всеми аспектами внутренней формы слова — этимологическим, звукосимволическим, словосочетательным. Описанию контраста как способа оживления внутренней формы слова уделяется большое внимание в лингвопоэтике. С.А. Пугач к таким контрастивно-сопоставительным приемам относил «включение слова с заглохшей внутренней формой в антонимические отношения» и «сопоставление слова с другим словом того же семантического ряда» [Пугач, 1978: 55–56]. Особый интерес представляет использование контраста в случаях оживления внутренней формы имен собственных.

Так, например, эссе А. Драгомощенко «Тень чтения» посвящено анализу литературной формы, жанра и содержания «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина. Если использовать подход В.В. Робустовой к классификации уровней функционирования имен собственных, то название произведения Пушкина следует считать национально-прецедентным именем, которое функционирует на макросоциальном уровне [Робустова, 2021: 54]. А. Драгомощенко оживляет форму национально-прецедентного имени, обнажая внутреннюю противоречивость сочетания его компонентов: «*Я тотчас вправе спросить: почему маленькие, если трагедии таковыми быть не могут. Это*

⁵ Bernstein Ch. Artifice of Absorption // Bernstein Ch. A Poetics. Harvard, 1992. P. 74.

определение есть противоречие в условии»⁶. Далее поэт сопоставляет содержание двух понятий — *большие (высокие) трагедии* и *маленькие трагедии* — по признаку направленности вовне. По А. Драгомощенко, большие трагедии древних представляют собой «катастрофический дискурс», «развернутую метафору мистерии смерти», которые обнажают основания миропорядка. Маленькие трагедии нового времени, напротив, являются проекцией обращенности внутрь человеческого «я», как будто «*Человек интериоризировал Океан*». В результате буквализации прецедентного имени и помещения его в антонимический ряд поэт приходит к следующему заключению: «*Итак, маленькие или уменьшенные трагедии оказываются отнюдь не оксюморонами и вполне допустимо, что они суть частные трагедии либо трагедии частности, части, дроби, уходящей за горизонт разума, не всеобщего, но разума той частности, которой становится человек <...>*»⁷. Таким образом, прием помещения имени в антонимический ряд получает свое развитие в виде корневой игры («*часть — частность*»), которая позволяет читателю дополнить содержание понятия «Маленькие трагедии» признаками, «касающимися отдельного лица, личными» и «раскрывающими подробности целого, общего».

В некоторых случаях коммуникативная интенция автора оживить внутреннюю форму слова выступает в качестве основы для тематического развертывания всего текста. Например, в эссе Чарльза Бернстина текстообразующую роль играет оживление внутренней формы ключевого слова, вынесенного в название произведения — *Artifice*. Поэт использует его поэтическую этимологизацию через окказиональное толкование: “*Artifice*” is a measure of a poem’s intractability to being read as the sum of its devices & subject matters. In this sense, “artifice” is the contradiction of “realism”, with its insistence on presenting an unmediated (immediate) experience of facts, either of the “external” world of nature or the “internal” world of the mind⁸. В рамках данной поэтом дефиниции конструирование значения слова *artifice* потребует расширения его конвенционального значения за счет дополнения такими признаками, как ‘emergence (as a complex system’s property)’, ‘defamiliarization’. Далее по тексту поэт использует паронимическую аттракцию *Facts in poetry are primarily factious*, оживляя внутреннюю форму прилагательного *factious* за счет: (1) контекстуальной актуализации его периферийного значения

⁶ Драгомощенко А. Тень чтения // Драгомощенко А. Фосфор: проза, статьи, эссе, стихи. СПб., 1994. С. 169–185.

⁷ Там же.

⁸ Bernstein Ch. Op. cit. P. 9.

(‘used as a basis for a fictional narrative’); (2) метафорического сдвига его основного системного значения (‘expressing disagreement’, ‘relating to dissention’) и вывода окказионального значения (‘anti-realistic’), которое конструируется в рамках приведенной выше дефиниции. В рамках такого контекста понятие факта получает парадоксальное развитие — ‘вступающий в противоречие с реальностью’, ‘спорящий с реальностью’.

В эссе А. Драгомощенко «Эротизм забывания» все текстообразующие логико-семантические и прагматические связи выстроены вокруг внутренних форм существительного «память» и глагола «забывать». Поэт использует сложную систему приемов по оживлению внутренних форм этих ключевых слов. Конвергенция таких приемов наблюдается в следующем текстовом фрагменте, который содержит авторское толкование существительного *память*: «Достаточно сказать, что русское слово «память» напыляется на восприятие несколькими семантическими слоями — 1) «имени» (*по(и)мянуть-по-именовать, по-миновение, по-именование*), отсылающим к именованию, как имению, т.е. владению, потому как именование есть введение в собственность, присвоение; — 2) личного местоимения первого лица, винительного/родительного падежа: “мя”; и — 3) “мен-ы”, обмена (в частности знака на вещь), замыкающего топологию я-имени-имения в акт власти, подчинения и управления отстоящим, внешним, не имеющим “определенности”⁹. В первом толковании поэт переосмысливает морфемный состав глагола *помянуть* путем его окказионального членения с одновременной фонетико-смысловой контаминацией (*по-(и)-мянуть*) и последующим присвоением глаголу нового номинативного содержания «владеть» на основе омофонических ассоциативных связей (*именование-имение*). Кроме того, поэт использует окказиональную сегментацию слов *имя (и-мя)* и *именование (и-мен-ование)* и актуализирует не тривиальные вербальные ассоциации между полученными сегментами и узуальными единицами — падежной формой личного местоимения (*мя*) и существительными *мена* и *обмен*. Таким образом, поэт раскрывает видимую им смысловую емкость слова *память* и через конвергенцию приемов обнажения внутренней формы открывает читателю доступ к своему индивидуально-авторскому представлению о способности человека присваивать, управлять и сохранять в сознании прежние впечатления.

Таким образом, проведенный анализ эссе поэтов Аркадия Драгомощенко и Чарльза Бернстина позволяет нам сделать следующие

⁹ Драгомощенко А. Эротизм за-бывания // А. Драгомощенко. Фосфор: проза, статьи, эссе, стихи. СПб., 1994. С. 150–159.

выводы. Прием оживления внутренней формы слова является одним из смысло- и текстообразующих для эссе анализируемых авторов. В данном типе текстов отчетливо проявляются индивидуально-авторские предпочтения в выборе приемов оживления внутренней формы слова. Поэты эксплуатируют фонеморфологические стереотипы восприятия слов и активно разрушают эти стереотипы, чтобы придать новое смысловое наполнение узуальным морфодеривационным моделям. Разнообразие и речевая сложность использованных приемов работы поэтов с внутренней формой слова свидетельствуют о высокой семантической и ассоциативно-образной гибкости их лингвокреативного мышления. Широким концептуальным фоном для конструирования неконвенционального значения слова с «оживленной» внутренней формой выступает особая коммуникативная интенциональность говорящего — стремление поэта как элитарной языковой личности донести до читателя свое видение природы языка во всей ее сложности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е.Г.* Концепция А.А. Потебни в свете когнитивной лингвистики (Учение о слове) // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 7 / Под ред. В.А. Пищальниковой. М., 2004. С. 12–22.
2. *Вишнякова О.Д.* Язык как инструмент смысловой интерпретации (на материале современного английского языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 17–27.
3. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
4. *Зализняк А.А.* Проблема внутренней формы слова в типологическом аспекте // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / Отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2005. С. 87–106.
5. *Молчанова Г.Г.* Паронимическая аттракция как средство декодирования поливалентности текста/дискурса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 9–16.
6. *Пильщиков И.А.* «Внутренняя форма» слова в теориях поэтического языка // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 54–76.
7. *Пищальникова В.А.* Внутренняя форма языка и внутренняя форма слова. К 150-летию со дня рождения А.А. Потебни // Русский язык в школе. 2015а. № 9. С. 47–51.
8. *Пищальникова В.А.* Внутренняя форма языка и внутренняя форма слова. К 150-летию со дня рождения А.А. Потебни. (Окончание) // Русский язык в школе. 2015б. № 10. С. 50–53.
9. *Потебня А.А.* Мысль и язык // А.А. Потебня. Слово и миф. М., 1989. С. 17–200.
10. *Пугач С.А.* Оживление внутренней формы слова // Русская речь. 1978. № 2. С. 52–57.
11. *Робустова В.В.* Основы концепции спирального развития значений имен собственных // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 47–57.
12. *Скидан А.* Сумма поэтики. М., 2013.

Tatiana V. Ustinova

**THE INNER FORM OF THE WORD AND MEANING
CONSTRUCTION IN THE POETIC SPEECH
(BASED ON THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; utanja@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of semantic perception of a poetic text, in which the reader's attention is de-automized by such foregrounding technique as the defamiliarization of the inner form of the word. Relying on the methodological frameworks of creative linguistics and cognitive linguistics, the author of the article aims at describing the inner-form-defamiliarization technique in terms of its functioning in poetic speech. Particular attention is devoted to identifying the factors of verbal and conceptual creativity, which determine the possibility of speech conventions transformations in poetry. The article provides a terminological clarification of the notions of "the inner form of the language" and "the inner form of the word"; emphasis is placed on the importance of studying these phenomena from the non-conventional meaning construction perspective. It is shown that the technique of the inner form defamiliarization has a complex implementation in poetry and contributes to performing a number of interrelated functions of the poetic language — cognitive, expressive, poetic and metalinguistic. Based on the examples of Arkadii Dragomoshchenko's essays from the book "Phosphorus" and Charles Bernstein's essay-poem "Artifice of Absorption", the linguo-creative intentions of the poets are reconstructed. The techniques of the inner form defamiliarization, typical of these poets, are described, including poetic etymologization of the word through its occasional definition; paronomasia; renomination and attribution of occasional form-meaning motivation to the word. The cognitive universality of linguo-creative techniques of the inner form defamiliarization is described in relation to general functional mechanisms for switching and developing verbal associations, which provide for the non-conventional meaning construction.

Key words: non-conventional meaning construction; content-form synergy in poetry; act of nomination; semantic shift; morpho-derivational stereotype

For citation: Ustinova T.V. (2023) The inner form of the word and meaning construction in the poetic speech (based on the Russian and English languages). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3 (26), pp. 74–86. (In Russ.)

About the author: Tatiana V. Ustinova — Dr. Habil. in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; utanja@mail.ru.

REFERENCES

1. Belyaevskaya E.G. 2004. Kontsepsiya A.A. Potebni v svete kognitivnoi lingvistiki (Uchenie o slove) [The theory of A.A. Potebnya in the light of cognitive linguistics].

- In *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskii i kognitivnyi aspekty* [Linguistic life of a person and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects], no. 7, pp. 12–22. (In Russ.)
2. Vishnyakova O.D. 2018. Yazyk kak instrument smyslovoi interpretatsii (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka) [Language as an instrument of semantic interpretation (on the material of Modern English)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 7–27. (In Russ.)
 3. Gridina T.A. 1996. *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: stereotype and creativity]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
 4. Zaliznyak A.A. 2005. Problema vnutrennei formy slova v tipologicheskom aspekte [The problem of the inner form of the word in the typological aspect]. In *Yazyk. Lichnost'. Tekst* [Language. Personality. Text]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Pp. 87–106. (In Russ.)
 5. Molchanova G.G. 2022. Paronimicheskaya attraktsiya kak sredstvo dekodirovaniya polivalentnosti teksta/diskursa [Paronymic attraction as a means of text polycodal decoding]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 9–16. (In Russ.)
 6. Pil'shchikov I.A. 2014. "Vnutrennyaya forma" slova v teoriyakh poeticheskogo yazyka ["The inner form of the word" in the theories of poetic language]. *Kritika i semiotika*, no 2, pp. 54–76. (In Russ.)
 7. Pishchal'nikova V.A. 2015a. Vnutrennyaya forma yazyka i vnutrennyaya forma slova. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Potebni [The inner form of the language and the inner form of the word. To the 150th anniversary of the birth of A.A. Potebni]. *Russkii yazyk v shkole*, no. 9, pp. 47–51. (In Russ.)
 8. Pishchal'nikova V.A. 2015b. Vnutrennyaya forma yazyka i vnutrennyaya forma slova. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Potebni. (Okonchanie) [The inner form of the language and the inner form of the word. To the 150th anniversary of the birth of A.A. Potebni. Part 2]. *Russkii yazyk v shkole*, no. 10, pp. 50–53. (In Russ.)
 9. Potebnya A.A. 1989. Mysl' i yazyk [Thought and language]. In A.A. Potebnya. *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow, Pravda, pp. 17–200. (In Russ.)
 10. Pugach S.A. 1978. Ozhivlenie vnutrennei formy slova [Foregrounding of the inner form of the word]. *Russkaya rech'*, no. 2, pp. 52–57. (In Russ.)
 11. Robustova V.V. 2022. Osnovy kontseptsii spiral'nogo razvitiya znachenii imen sobstvennykh [The spiral development conception of a proper name meaning]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 47–57. (In Russ.)
 12. Skidan A. 2013. *Summa poetiki* [The sum of poetics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.02.2023;
одобрена после рецензирования 20.03.2023;
принята к публикации 22.03.2023

The article was submitted 20.02.2023;
approved after reviewing 20.03.2023;
accepted for publication 22.03.2023